

© 1990 г.

Н. М. КЕЙЗЕРОВ

ДОКТРИНА ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ

КЕЙЗЕРОВ Николай Миронович — доктор философских наук, заведующий кафедрой Академии общественных наук при ЦК КПСС. В нашем журнале опубликовал статью «Общественное мнение и современная идеологическая борьба» (1979, №2).

В современной западной социальной теории и прежде всего в политологии, получили широкое распространение различные разновидности доктрины «персонализации» власти. В них рассматривается феномен возрастания личного фактора в осуществлении власти в конфликтных ситуациях — в международных отношениях, в обществе в целом и на отдельном предприятии. Обнаруживается тесная и непосредственная связь между понятиями кризис, конфликт, власть. Авторы многочисленных исследований на эту тему проявляют искреннюю тревогу в связи с нарастанием и обострением социальных конфликтов и весьма неоднозначной ролью властей в попытках их разрешения. При этом усиливается конфликтная основа самой власти, происходят далеко идущие изменения в ее структуре, функциях, методах и способах деятельности. Возрастает значение человеческого фактора в осуществлении власти, что проявляется в противоречивых тенденциях, в частности, в активизации ее демократических начал, повышении роли народных масс и в то же время в усилении авторитаризма, всевозможных попытках узурпации власти экстремистскими группами и отдельными лицами.

Хотя о личностном факторе в метаморфозах власти на Западе существует огромная литература, у нас в годы сталинизма и застоя соответствующие концепции по существу не рассматривались, а между тем они заслуживают тщательного анализа, особенно сейчас, когда партия развивает психологию культа личности, взяла курс на последовательную демократизацию, на создание гарантий необратимости демократизации против любых авторитарных поползновений.

В доктринах «персонализации» власти из всей гаммы точек зрения можно выделить два основных направления в интерпретации влияния конфликтной ситуации в обществе на власть. Это, во-первых, рассмотрение роли лидера в рамках институтов государственной власти в кризисной ситуации. Здесь оформилось множество подходов. Среди них преобладает взгляд, что разрастание властных полномочий одного лица связано с критическими фазами в развитии страны. В условиях кризиса расши-

ряются полномочия властей, коллегиальность сводится к минимуму и лидер один решает важные вопросы. В конце концов демократические установления становятся пустой формальностью, реальная власть все больше концентрируется на вершине пирамиды. Управленческий аппарат по-своему тоталитарен и склонен скорее замыкаться на сильную личность наверху, чем допускать даже самый слабый контроль снизу. С этой точки зрения любая конфликтная ситуация требует концентрации власти в авторитарном духе, хотя очевидно и наличие демократического пути решения социального конфликта. Несмотря на позитивный опыт демократизации власти как эффективного способа разрешения конфликтной ситуации, политологи консервативного направления упорно проводят тезис, что социальный конфликт авторитарен и однозначно деформирует соотношение политического лидерства и институтов представительной демократии; последние же вместо того, чтобы делегировать и контролировать власть своих представителей сами попадают под их контроль.

Второе направление связано с рассмотрением отношений власти как перманентного конфликта управляющих и управляемых, демократии и авторитаризма, которому частный социальный конфликт придает особую остроту и напряженность. Поэтому борьба за лидерство постоянна и не связана имманентно с каким-либо временным социальным конфликтом, он лишь проявляет ее более рельефно. Дело, таким образом, упирается в конфликтную основу самой власти, ее отдельных противоборствующих разновидностей, соотношение которых напоминает перетягивание каната. Высказывается интересная мысль о существовании квоты власти, т. е. ее определенного количества. Соответственно, если власть сосредоточивается у одного органа, лидера, то социальный конфликт влечет изменение квоты, ее перераспределение, власть как в сообщающихся сосудах перетекает от одних ее носителей к другим. То есть два органа в силу этого не могут быть носителями одновременно одной и той же власти, хотя орган, от которого власть ушла, порой создает видимость, что он ею обладает и тешитя внешними аксессуарами и атрибутами иллюзорного властвования. Власть категорична: либо она есть, либо ее нет. Социальный конфликт придает этим отношениям еще большую определенность, обнаруживает, кто безвластен и кому принадлежит реальная власть. В современном обществе вообще, а в кризисной ситуации в особенности, исполнительная власть как сильнодействующий магнит перетягивает к себе прерогативы власти законодательной. Законодательная инициатива переходит от конгресса к президенту, около 80% всех законопроектов принадлежит исполнительной власти. При этом исполнительная власть концентрируется в руках аппарата; сопротивление последнего демократическому контролю общеизвестно.

В исследованиях понятие конфликта стало интенсивнее использоваться с 50-х годов; оно разработано в книгах Г. Зиммеля «Конфликт» и Л. Козера «Функции социального конфликта», а также в публикациях по теории и практике конфликта в журнале «Journal of Conflict resolution» (выходит с 1957 г.). Работы К. Боулдинга, Т. Боттомора, Д. Бернарда, Р. Дарендорфа, Р. Миллса, Т. Шеллинга и других социологов способствовали утверждению взгляда на конфликт как на необходимый компонент социальной реальности. Критика Л. Козером утверждений Д. Белла будто одна социальная структура сменяет другую без конфликта способствовала преодолению концепций бесконфликтности социальной жизни и ориентации на поиск инструментария их преодоления. В новей-

ших научных трудах главное внимание уделяется структуре и динамике конфликта под воздействием различных факторов, в том числе власти [1]. Сейчас только в США теорию и практику конфликта преподают в 150 колледжах и университетах, где осуществляется подготовка студентов по новой специальности — менеджер по конфликтам. Существуют многочисленные научные центры изучения конфликтных ситуаций по заказам местных и федеральных властей, частного сектора, общественных организаций и даже ООН.

Социальный конфликт неоднозначно, по-разному воздействует на структуры власти. В эволюции власти к авторитарной модели кризисная или просто конфликтная ситуация часто ускоряет момент кристаллизации ранее протекавших процессов в новых структурах, рано или поздно происходит на базе количественного накопления качественный скачок, и, в зависимости от соотношения сил, либо восстанавливается демократия, либо осуществляется авторитарный государственный переворот в той или иной форме. Классическое 18-е брюмера Наполеона как типовая модель государственного переворота и установления авторитарного режима воспроизводится бесчисленными «племянниками великого дяди» при свете дня или, предпочтительно, под покровом ночи. Горький и трагический опыт авторитаризма лишний раз подтверждает ценность общечеловеческих принципов демократии, деформация которых, чем бы она ни вызывалась — «высшими соображениями», национальными интересами, «личными достоинствами» или отрицательными чертами характера — недопустима. Но учет уроков истории, выводы из них оказываются невероятно трудным делом.

Неудержимая тяга к избавлению от демократического контроля, к концентрации власти оказывается у многих политических лидеров сильнее предостережений об опасности авторитаризма. Надо сказать, что здесь сказываются не столько патологические наклонности властолюбия, сколько болезни демократии, ее несовершенства, дефицит способности учиться на горьком, порой трагическом опыте. Во всех прописях воспроизводится острейшая критика К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным противопоставления «героев» безликой «толпе». Основоположники социализма развенчали антидемократическую теорию и практику элитарного подхода, при котором герой выступает как воплощение всех человеческих достоинств, порой даже сверхъестественных, дающих ему право на безграничную власть, гражданам же отводится пассивная роль зрителей и исполнителей приказов.

Демократическая, антиавторитаристская традиция социалистической теории и практики должна быть восстановлена, изучена со всеми своими источниками и предшественниками. Здесь много интересных явлений. Ведь уже у некоторых идеологов народничества можно встретить критику различных деформаций авторитета, его перерождения в авторитаризм. Они на практике познали, к чему приводит «культ героев». Огромный интерес в этом отношении представляет незаслуженно забытая статья П. Л. Лаврова «Вредные начала», где перечисляются «болезни» не признающего ни контроля, ни критики авторитета. Лавров напоминает старую истину, что в личной жизни человека, как и в общественной его деятельности, самое вредное начало есть то, которое связывает ему руки, отуманивает зрение, превращает в бездумный автомат. Эти вещи слова содержатся во втором томе сочинений П. Л. Лаврова, изданных в 1934 году, когда авторитаризм раздавил демократию и начал катастрофически разрастаться. Французский социолог Ж. Тушар полагает, что вы-

ражение «личная власть» появляется в конце Второй империи во Франции и связывается прежде всего с Наполеоном III, с бонапартизмом, причем в общественном мнении прочно укоренилась ее оценка как антидемократической и реакционной. Оценка бонапартизма К. Марксом хорошо известна и не оставляет каких-либо иллюзий в отношении враждебности бонапартизма демократии. Если личная власть рассматривается обычно в негативном плане в силу исторических традиций и других обстоятельств, то персонализация власти оценивается социологами в положительном смысле. Во французском политическом словаре этот термин появился в послевоенные годы. В начале 50-х годов политолог Ж. Бурдо говорил об индивидуализации, а не персонализации власти, хотя в эти понятия он и его последователи вкладывают во многом совпадающий смысл.

Американские ученые изучили 27 772 решения судей федеральных судов и установили, что преобладающим в процессе их принятия фактором являются доказательство или правовые основания оценки ординарных ситуаций. Но при малейшей неясности в фактах, конфликте сторон или трудностях применения права сказывается инициатива судейского усмотрения, решающее влияние личных взглядов и убеждений судей, их политических ориентаций, субкультура, профессиональные и юридические традиции соответствующего региона [2]. Справедливость этого вывода вынуждены признать и многие крупные научные авторитеты, историки и социологи. Проблема «человек — власть» возникла не сегодня, она явно общечеловеческая во всей ее сложности, напряженности, конфликтности.

Воздействие человеческого фактора на процессы осуществления власти огромно и многопланово, порождает большое число сложных социальных проблем, на которые ищет ответа общественная мысль, социология, политическая наука. Проблемы, отмеченные западными социологами и политологами, в существе своем вполне реальны. Но сама дилемма: или личность, или коллектив, лидер или демократические институты напоминает все же черно-белый стереотип, ибо реальная диалектика конфликтных ситуаций и процессов требует учета взаимодействия всех факторов власти при императивном приоритете демократических институтов.

Что реально стоит за феноменом персонализации власти, каково его реальное содержание, в силу каких социальных причин возникает данное явление и в чем состоят перспективные тенденции его развития в конфликтных ситуациях современного общества? Известный французский политолог М. Дюверже остроумно заметил, что феномен персонализации власти встречается в политической жизни западных демократий везде и повсюду, в то время как деперсонализация ее предстает скорее как отклонение от нормы, аномалия. При всем этом все же коллективное, демократическое начало в управлении является его фундаментальной, универсальной основой и для нормальной жизнедеятельности общества, и для критических состояний. Правда, особые обстоятельства придают личному фактору специфическую роль.

Ф. Энгельс отмечал правомерность осуществления власти одним лицом при определенных обстоятельствах, например, капитаном судна в море и т. п. Но и в этих классических ситуациях, требующих единоначалия и безоговорочного подчинения, доли единоличного и коллективного начал существуют не в виде чистого противопоставления, а в определенной пропорции. Капитан опирается на действия команды, информацию и предложения различных служб, метеорологический прогноз, маршрут,

разработанный коллективом пароходства, аварийные ситуации проигрываются коллективом в порядке учебы, моделируются и предусматриваются возможные нештатные ситуации на базе коллективного опыта и т. д. Поэтому речь должна идти о мере соотношения коллегиальности и единоначалия в определенных обстоятельствах. В. И. Ленин говорил о единоличном распорядительстве «во время процесса труда». Это существенное уточнение не исключает возможность обсудить действия любого руководителя на предмет их целесообразности после работы.

Таким образом, дело в тонких соотношениях, градациях, пропорциях, точном выяснении того, о чем, при каких обстоятельствах, в какое время и т. д. идет речь. Фетишизация социального конфликта и требование для его разрешения чрезвычайных полномочий — заурядное, но, как правило, опасное явление. Чрезвычайная концентрация власти как болезненная опухоль даже после того, как необходимость в ней исчезла, «рассасывается» с большим трудом, словом, не проходит бесследно. При этом не доказано, что авторитарный, чрезвычайный путь разрешения конфликта лучше и эффективнее демократического.

Опыт развития советской демократии, когда у руководства стоял В. И. Ленин, показывает исключительную продуктивность демократических форм принятия важных решений в чрезвычайных обстоятельствах гражданской войны. Примечательно, что партийные съезды и съезды Советов созывались тем чаще, чем сложнее и труднее, чрезвычайнее была обстановка. Решение о Брестском мире принималось после всестороннего коллегиального обсуждения, хотя обстановка требовала, казалось, оперативного и единоличного решения. Последовательно проводился принцип: при любых обстоятельствах важные государственные и партийные решения принимаются лишь после всестороннего обсуждения, демократическим путем, коллегиально, в обстановке плюрализма мнений. Сталин, нагнетая обстановку «осадного положения» и требований срочных чрезвычайных мер в ситуации постоянного конфликта, «обострения классовой борьбы», создал условия для концентрации власти в своих руках.

Сходным образом действуют авторитаристы и на Западе, используя кризисные ситуации, острые социальные конфликты для предоставления им чрезвычайных полномочий. Апологетика «сильной руки» в условиях НТР оперирует новыми доводами. Например, из факта уникальной динамики международных событий в век НТР, когда локализация и ликвидация конфликта требуют оперативных политических решений, некоторые западные теоретики делают вывод о необходимости сосредоточения всей полноты власти в руках одного лица, полномочного принимать решения без демократических процедур их обсуждения ввиду дефицита времени. Представители же демократической общественности рассматривают подобные доводы как покушение на свои прерогативы и справедливо полагают, что механизмы ответственности и контроля в этих особых условиях должны быть усилены, власть должностных лиц независимо от их авторитета должна быть подотчетна представительным, коллегиальным институтам и не может быть передоверена кибернетическим системам типа СОИ, ошибки и сбои которых чреваты гибельными последствиями. Ответственные политические решения должны принимать политики под демократическим контролем, а не автоматы.

Сторонники персонализации власти говорят не о том, что решение должно при некоторых обстоятельствах приниматься единолично, а о том, что руководитель якобы должен быть освобожден от контроля со стороны

демократических институтов, быть независимым от них, так как общественность, по их мнению, либо некомпетентна судить о существовании проблемы, либо в силу технических и социальных причин лишена возможности влиять на принимаемые решения, например — ограниченность коллегиальности при конфликте.

Часто руководитель противопоставляется демократическим институтам, которые рассматриваются как помеха проявлению инициативы и личных способностей государственного деятеля. Нужны демократические гарантии своевременности принимаемых решений и оперативности административного аппарата. Неоперативность типична для антидемократического, самодержавного аппарата, ибо избыток полномочий наверху иерархической лестницы, которые человек практически не в силах реализовать, порождает беспомощность и безответственность на других ступенях пирамиды. Власти проявляют склонность к быстрым действиям, если речь идет о военных приготовлениях, и поразительное бездействие, если нужно решать конфликтные проблемы в интересах мира и разоружения. Гарантией оперативности госаппарата, правильности, адекватности решений является его полная демократизация.

Каково в эпоху НТР соотношение коллегиальности и единоличных решений? По мнению некоторых социологов, две фазы попеременно сменяют друг друга: во-первых, когда решающую роль играют руководители, во-вторых, когда на первый план выдвигаются коллективы. Хотя человечество ныне живет в эпоху коллективов, по мнению ряда социологов, прочных социальных гарантий против узурпации власти нет: «великие одиночки» рано или поздно возьмут реванш, освободятся от контроля демократических институтов. Приверженцы персонализации власти спекулятивно используют проблему свободы творчества. По их мнению, общественные статусы и роли, строго регламентирующие поведение отдельного человека, ограничивают созидательные способности человека и многообразные проявления его личности. Социальная роль как бы подминает личность и разрушает ее индивидуальность. Сегодня концепция «человека-оркестра», знающего все и умеющего все делать, постепенно вытесняется концепцией «руководителя оркестра». В буржуазной социологии приводится много примеров, когда чрезмерная централизация управления экономикой, сосредоточение власти в руках одного лица оказывались неэффективными, приносили ущерб делу. Однако, когда речь идет о политике, предпочтение явно отдается концентрации власти в руках одного человека. В этом состоит одна из особенностей современной буржуазной политической мысли.

Социологов и политологов толкают к признанию роли коллектива реальные процессы специализации и усложнения управления экономикой в кризисном состоянии. При небольших масштабах управляемого объекта еще возможно и целесообразно единоначальное распорядительство, ибо руководитель может во всех деталях представить себе все звенья процесса и контролировать его ход на всех уровнях. Руководитель современного крупного предприятия сделать этого уже не в состоянии, так как не может охватить все звенья производственного процесса, в особенности конфликтов. В силу этого для нормального функционирования системы централизованного руководства производством нужно, чтобы при наличии единства воли там, где это диктуется необходимостью, одновременно была осуществлена децентрализация функций управления. В масштабе общества подобная децентрализация насущно необходима как гарантия против узурпации власти, ее неэффективности, безответственности. Раз-

витие событий показывает, что дело не в личности, а в концентрации власти, выступающей на поверхности порой в весьма колоритных персональных моментах, преломленной в оригинальных чертах характера. Но первопричиной так называемой персонализации власти является противоборство классов, конфликт их интересов, стремление укрепить свою власть и сохранить существующие отношения собственности. В утверждении режима бонапартизма важную роль, как известно, играли крестьянство, мелкая буржуазия, наряду с определяющим стремлением финансовой олигархии, нуворишей, крупной буржуазии утвердить угодный порядок силой армии, бюрократического аппарата. Государственный и судебский аппарат, законодательство «осадного положения» используются для укрепления режима личной власти, который получает различные наименования, вплоть до печального известного «фюрер-принципа». Фюрер наверху иерархической пирамиды воспроизводится во множестве своих копий на местном уровне, в отдельной сфере социальной жизни, в экономике. К примеру, в нацистской Германии, где действовал пресловутый фюрер-принцип, наряду с титулом «Великий фюрер» существовал и «Великий Крупп» и немало других «фюреров промышленности». Один юрист, обрисовав чудовищную вину, лежащую на династии Круппов, сказал: «Решения принимали не управляющие, а владельцы, независимо от того, были ли они выдающимися людьми или посредственными личностями». Решающее значение, таким образом, имеют социально-экономические корни режима личной власти.

Вместе с тем с развитием средств массовой информации усилилась персонализация политической власти. Такая борьба во все большей степени превращается в борьбу между личностями, где личный авторитет играет далеко не последнюю роль. Доверие и восхищение граждан в отношении руководителя государства или лидера партии продвигает его в ряд своего рода выдающихся личностей, звезд первой величины, создает впечатление непосредственного контакта, во многом иллюзорного, но в определенной степени и реального.

Нередко политологи оправдывают личную власть тем, что в современную эпоху развитие средств информации, в особенности телевидения, связывает граждан эмоционально с определенным политическим деятелем, который предстает перед фото- и кинокамерой, выступает перед многомиллионной аудиторией телезрителей и непосредственно перед гражданами. Вот такой личный контакт, по мнению некоторых, призван якобы заменить систему контроля со стороны демократических институтов новой моделью «визуальной» демократии.

Излишне говорить, что такое понимание непосредственной демократии далеко от подлинной подотчетности выборных лиц избравшему их народу, ибо последнему должна быть гарантирована возможность не только созерцать их на экране, но и реально контролировать их действия. Очевидно, что новые средства массовых коммуникаций применяются пропагандистской машиной в ходе выборов в целях создания вокруг руководителя государства и партийных лидеров имиджа непогрешимых. Используя созданный таким образом личный престиж, они выходят из-под контроля представительных институтов. «Харизматический лидер» М. Вебера отнюдь не плод воображения. Но это говорит как раз не о ненужности контроля, а наоборот, о настоятельной необходимости и гарантиях такого контроля, демократической альтернативно-конфликтной основе реального авторитета, противостоящей власти должности в «республике чиновников» [см. 3].

В ряде случаев феномен персонализации власти объясняется сугубо-психологическими аспектами взаимосвязи руководителя государства и граждан, например, участием женщин в политике с их повышенной сентиментальностью и склонностью к оценкам личного порядка. Среди политологов можно встретить попытки психологического обоснования личных факторов власти. Последняя рассматривается как нечто неотделимое от самой личности, которая ее осуществляет как своего рода персональный атрибут. Та или иная политическая линия и взгляды выводятся из присущего человеку темперамента, психологического склада характера и других субъективных моментов. Так, считается, что холерики склонны к авторитарному режиму правления, сангвиники — к оппортунизму, апатичные натуры — к консерватизму, флегматики преисполнены уважения к демократическим свободам, индифферентны к вопросам политической борьбы, не имеют вкуса к власти и т. д. Личные качества руководителя и склад характера, несомненно, накладывают отпечаток на осуществление власти их следствия надо тщательно изучать в контексте социальных условий и других факторов, например, идеологических.

В персонализации власти огромную роль играет пропагандистская машина. Известный специалист по пропаганде Ж. Элюль говорит в связи с этим о кристаллизации легенд и мифов вокруг руководителя на основе его действительных или воображаемых заслуг, фокусировке пропаганды вокруг одной личности и монтаже пропагандистских штампов и блоков в рамках определенного национального типа, действиях личности в соответствии с выработанным имиджем и т. д. В американском политическом маркетинге есть выражение «продавать имидж», образ кандидата.

Остановимся подробнее в этой связи на иррациональном аспекте" властных отношений, который все более настойчиво отмечается в работах современных зарубежных исследователей. Указывается, например, что престиж не существует без тайны, ибо человек мало уважает то, что ему хорошо известно; каждый культ имеет свое таинство. Еще в прошлом веке сверхъестественную роль великих людей в общественной жизни пытался обосновать Жозеф де Местр. А. Шлезингер писал, что политическая жизнь XX века отмечена некой непостижимой тенденцией к господству одного человека. Ему вторят и другие ученые, утверждая, что персонализация внутренне присуща современному миру, так как нынешние толпы нуждаются в персонализации власти не только потому, что любят звезд в политике, как они любят звезд кино и спорта, но и потому, что им нужен повелитель, сильная личность, окруженная некой сакральной тайной власти. Во всех ее делах должен быть элемент таинственности. Утверждается, что властные отношения в некоторых человеческих группах основываются на личном характере власти, причем особую роль играет некое волшебство, своего рода шаманство. Чтобы подчеркнуть необъяснимый характер личной власти, нередко приводится пример учителя, при котором дети боятся нарушать правила распорядка не потому, что он больше, чем другие, наказывает, больше других знает и более интересно излагает материал, а просто потому, что его авторитет основан на непостижимом личном влиянии, причем это влияние выступает как феномен, по существу лишенный рационального основания.

Автору этих строк довелось наблюдать во Франции 60-70-х годов как практически реализовалась доктрина личной власти во всех определяющих моментах политической жизни.

Генерал де Голль то туманными, то довольно прозрачными рассужде-

ниями о своей провиденциальной миссии верховного представителя воли нации заложил краеугольные камни идеологического обоснования режима личной власти. Конечно, ее ориентирами были интересы и власть крупного капитала, но и личный авторитет был весьма весом. Президент де Голль знал о своей популярности у значительной части французского народа и, судя по всему, возлагал на нее большие надежды. Этот авторитет имел серьезные основания в его былых боевых заслугах.

Авторитет государственного деятеля, политического лидера — объективное следствие проводимой политики, ее соответствия интересам народа, нации, класса, социальной группы. Если политика противоречит объективным интересам, то авторитет этих лиц терпит крушение и никакие личные былые заслуги его от этого краха не спасут.

Развитие политического кризиса во Франции показало в действительности «кто есть кто», кто творит кумиров, а кто их ниспровергает. Стало ясно, что именно рабочий класс — главная социальная сила, а общественное мнение, глас народа является решающим в конечном счете для утверждения и ниспровержения политических авторитетов. Именно конфликт с рабочим классом, набор острейших социальных конфликтов определили кризис режима личной власти, обусловили катастрофическое падение личного престижа президента и в конце концов привели к его отставке.

Сегодня главный критерий авторитета политического деятеля — способность руководствоваться императивами нового политического мышления, полностью подчинить свою деятельность интересам упрочения мира, выживания человечества, приоритету общечеловеческих ценностей, идее гуманизации политики, участия в ней широких масс, народной дипломатии. При этом учет новых реальностей как неотъемлемый компонент нового политического мышления, его демократическая суть и направленность, играют роль долговременного фактора в авторитете, доминируя над временным стечением обстоятельств и преходящими моментами, политическими настроениями, эмоциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Conflict analysis: The formal theory of behavior. N. Y., 1988.
2. Revue française des sciences politiques, 1988. N 2. P. 296-297.
3. Pfister T. La republique des fonctionnaires. Paris, 1988. P. 41, 214.